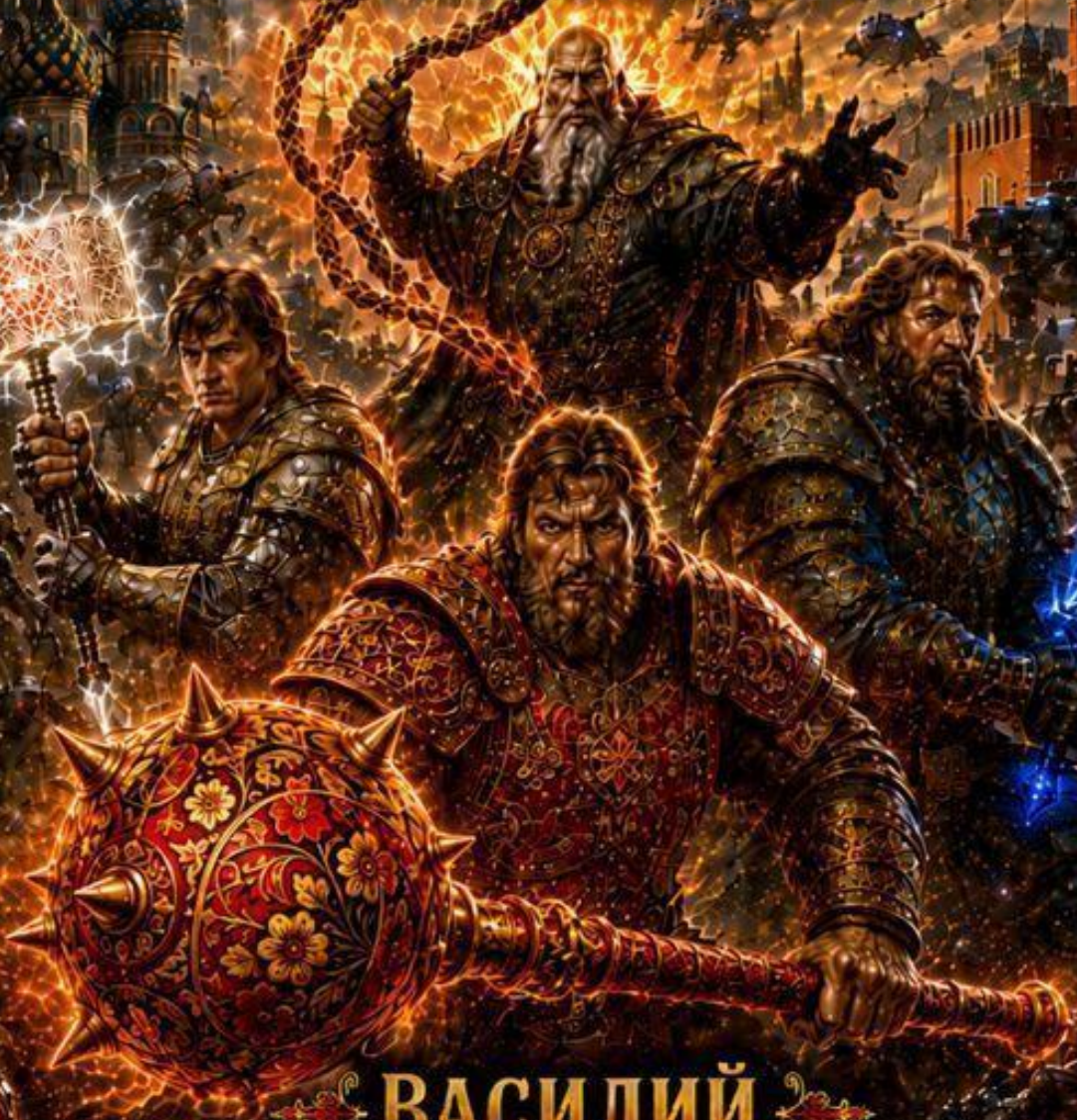

18+

НАШИ

БОГАТЫРИ ПРОТИВ
ПРИШЕЛЬЦЕВ

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАНЧУК

Василий Голованчук

**Наши. Богатыри
против пришельцев**

«Издательские решения»

Голованчук В. М.

Наши. Богатыри против пришельцев / В. М. Голованчук —
«Издательские решения»,

Плохие новости. Послезавтра конец света. На Землю напала орда жутких инопланетных тварей. Хорошие новости. У Земли есть защитники. Русские богатыри: Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович. Секретное оружие России, которое ждало момента целую вечность. И это совсем не те парни, о которых мы слышали в былинах и сказках. Схватка на всю планету, завязанная на вселенском артефакте и стойкости русской души. Кто к нам с мечом придёт, то от меча и погибнет! Наша история, наши герои, наша победа.

Содержание

Предисловие	7
Быль, которой суждено стать сказкой	8
Глава 1. Домик у озера	8
Глава 2. Дед Пихто, тот самый	11
Глава 3. Зерниды и гибель Протеи	16
Глава 4. Алёша Попович и Тугарин Змей	23
Глава 5. Илья Муромец и Соловей-разбойник	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

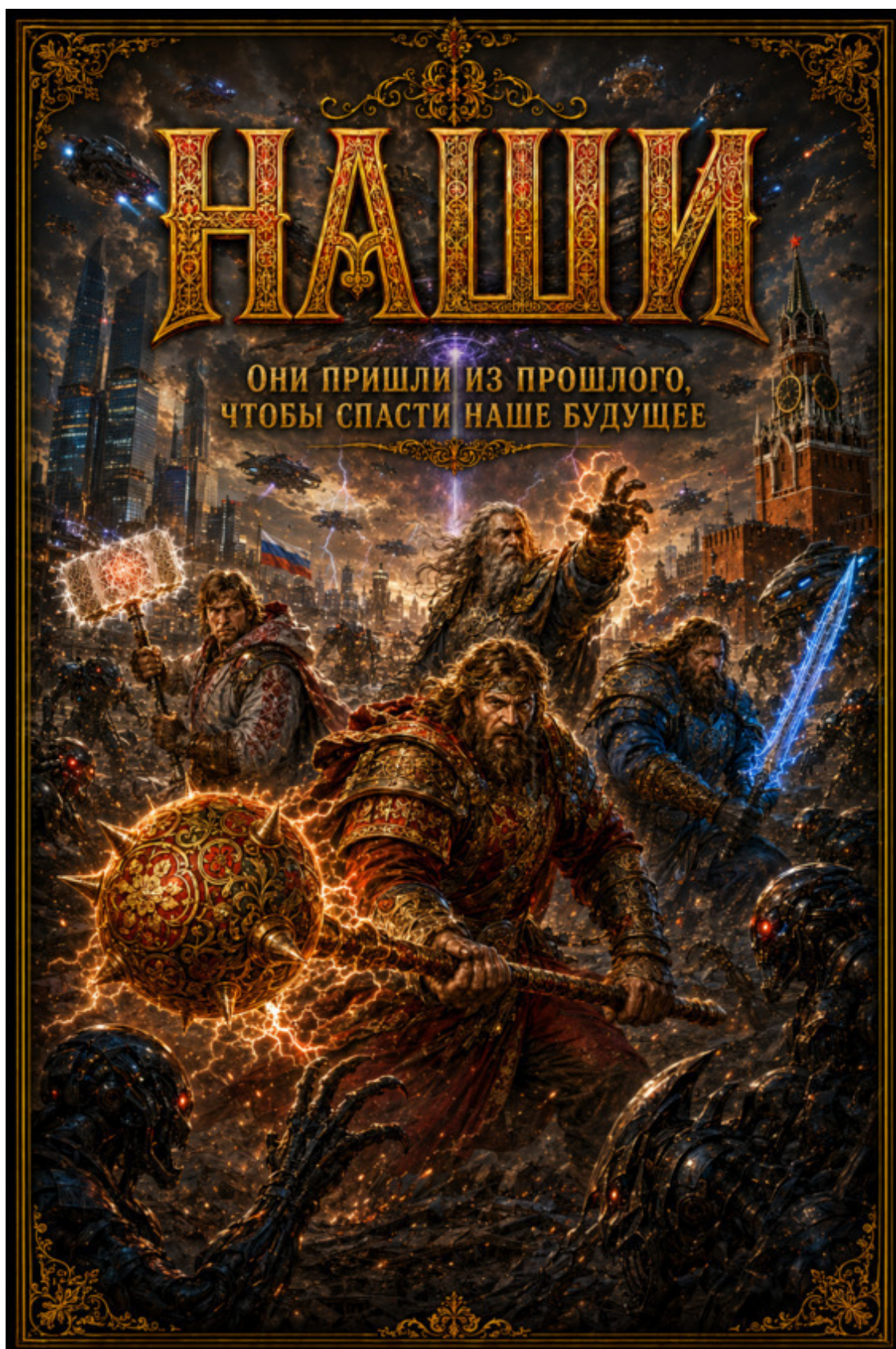
Наши Богатыри против пришельцев

Василий Михайлович Голованчук

© Василий Михайлович Голованчук, 2026

ISBN 978-5-0070-5599-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Всю жизнь мы впечатлялись героями, которых создали люди с другим культурным кодом. Несомненно, это безгранично талантливые творцы, читая книги, комиксы, смотря фильмы или мультфильмы которых, я сам черпал вдохновение. На смену им однажды пришли компьютерные игры, сценарии которых были не менее увлекательными. Всё это обновляло и наш культурный код, накладывалось на него, мы становились всё требовательнее к идеям и фантазии авторов историй про супергероев.

Я всегда тяготел к фантастике. Именно к фантастике — к научной. Но мир любит фэнтези. Мы любим получать что-то необъяснимое, иногда лишённое логики, но главное — увлекательное приключение, в отличие от занудной классической прозы.

И вот, думая над всем этим, смотря очередной великолепный фильм про супергероев в переводе, я подумал: «А почему у нас нет ничего подобного?». И понял, что на самом деле есть. Просто наша мифология могла застопорить нас, оставить в допустимых рамках, запертых за дверь в пыльном подвале тысячи лет, оставив их детишкам на ночь. Но это крепкая основа, которая прекрасно ложится на реалии, в которых мы сегодня живём.

Ведь в наших произведениях и фильмах всегда не хватало именно размаха масштабов, юмора, другой истории, других миров и их слияния. Так отчего же это и не создать?

Моё культурное славянское наследие и филологическое образование, увлечение фантастикой и фэнтези позволяют мне придумать свой мир с любимыми богатырями — символом Руси, которые и сегодня способны спасти мир от злодеев. Я могу рассказать вам, откуда они вообще взялись, эти самые богатыри, и куда в итоге делись.

Погони, предательства, подковёрные игры и истинный героизм с русской простотой — вот наш культурный код. Кто такой этот Соловей-Разбойник или Змей Горыныч, откуда растут ноги у сказок? Всё это здесь. Три богатыря могут быть и среди нас, просто они ждут своего часа. Когда придёт время защищать не только Россию, а весь мир.

Я написал эту историю взахлёб ещё в 2016 году. Писал днём и ночью в формате сценария — тогда как умел. После разослал его везде и всюду. Ответа не последовало. И я забросил эту идею. Необходимость жить и есть, а на это нужно как-то зарабатывать, испытания судьбы и множество бытовой рутины не позволяли мне возвращаться к работе над книгами в полную силу. И вот я вновь открыл свою рукопись сценария и понял, что во что бы то ни стало мир должен его увидеть.

Превращая тот «сценарий» из чёрт-те чего в настоящий сценарий, я понял, что увлекаюсь в описаниях. А значит, лучше бы этому фильму сначала стать интересной книгой с теми самыми нашими героями, которых мы так долго ждали. И, переименовав рукопись «Богатыри против пришельцев» в «Наши», я приступил к её обновлению и полному переписыванию.

Так что если вы сейчас читаете эти строки, значит мой непростой труд всё-таки окончен и вам предстоит увлекательное приключение вместе с русскими богатырями длиною в целую тысячу лет.

Василий Голованчук

Быль, которой суждено стать сказкой

Глава 1. Домик у озера

За всё время существования человечества люди всегда пытались дать определение непонятным вещам или событиям. Наша цивилизация с начала времён сталкивалась с чем-то, казавшимся запредельным для мозга на каждом этапе развития, — с необычными людьми и их фантастическими способностями. Даже сейчас мы говорим про супергероев и смотрим в небо, рассуждая о зелёных человечках. Историй о подвигах множество, но лишь одну я знаю достоверно. Может, то была случайность вселенского масштаба, а может — божественное вмешательство, нам лишь предстоит об этом узнать. И началась эта история очень давно. Когда столицей Руси был Киев, а в Америке жили только индейцы, о которых в Киеве никто и не слышал ни разу. Как, впрочем, и индейцы о Киеве... А Москве лишь предстояло стать цитаделью русской культуры и самобытности, которая сплотит планету, дабы не раз спасти наш грешный мир.

Но я забегаю вперёд. Вот что тогда произошло, добрую тысячу лет назад.

Это было прекрасное лето. Свежий вечер тихонько шептал листвой и ветром об умиротворении. В старой хибаре на берегу зеркального озера пожилой монах готовил простой ужин. Он тихонько мурлыкал незатейливую мелодию про Богородицу и царя, шурясь мудрыми глазами от вырывающегося жара раскалённых поленьев из печи. Аромат небогатой на ингредиенты похлёбки выливался в открытые окна вместе с сизой дымкой пара из чугуна. На грязном столе лежал разорванный ломоть чёрствого, чёрного как уголь хлеба да репа с кривым ножом, стёртым вполовину от частой и грубой заточки. Потёртая деревянная посуда и несколько глиняных горшочков с куриными яйцами, пахучими сухими травами и зелёными яблоками.

Хату украшали иконы, горящие свечи, небольшой стол и глиняная печь с лежанкой. Лавка с парой стульев без спинки и кровать, больше похожая на раскрытый сундук с лохмотьями, а может это он и был.

Старик уверенно орудовал старым ножом, проворно ступая до печи и обратно. Раскрытую Библию тихонько гонял по страницам сквозняк у окна, за мутным стеклом которого солнце катилось к закату прямо в озеро, уже отражающее на своей глади россыпь мерцающих звёзд, танцующих в отражении лёгких волн.

Одна звезда была особенно большой. И росла на глазах. Раскаты неестественного рокота откуда-то сверху впились в уши монаха — ничего подобного он никогда не слышал. Конечно, далёкий гром посреди ясного сумеречного неба привлёк старика. Он почесал свою лысину на макушке, положил нож и вышел на крыльцо.

Взяв деревянную трость из кривой ветки от почерневшей от ветхости стены, монах, приподняв грязную коричневую рясу, дрожащей ногой в плетёном лапте спустился на скрипучую ступень. Каждый шаг старику давался тяжело, в борьбе с практически непреодолимым страхом перед неизвестным. Пройдя с десятков метров от хижины, монах воткнул посильнее в сырую землю трость и, облокотившись на неё, начал внимательно разглядывать небосвод.

Пылающие краски закатного неба вкраплениями бисера тонко прожигали звёзды и луна, заглядывающая прямо в глубину души. Отражаясь в мудрых глазах пожилого отшельника, к земле стремилась упавшая с небес звезда. Грохот был как от ураганной бури с молниями. Но

на небе не было ни облачка, а ветер был настолько слаб, что практически не колебал гладь воды на озере.

Это был космический корабль. Но старику просто-напросто даже не с чем было сравнить этот аппарат. Это было что-то за гранью его мировосприятия. В Библии не было ни единого слова о летающих самоварах. А последнего язычника, который бормотал о похожих вещах, давеча скормили волкам за жертвоприношения. И вот — на тебе. Неужто всё-таки Перун решил явиться, содрогая небеса? Тогда зачем ему этот гигантский чан?

Старик решил было вернуться в хижину, но настоящий вихрь ураганной силой не дал сделать и шага. Старик вдавил трость поглубже в землю и вцепился в неё что было сил. Старая льняная накидка — то ли серая, то ли коричневая, скорее цвета грязи, — трепыхалась так, будто пыталась вырваться и как можно скорее скрыться в чаще густого русского леса в паническом страхе перед грядущим, неизвестным и дико пугающим.

Глава 2. Дед Пихто, тот самый

Словно гигантская бочка, расписанная ожившими узорами, состоящими из тысяч шестерёнок и просто левитирующих дисков с бегунками, космический корабль приземлился. Все эти сложные механизмы летательного аппарата создали настоящий смерч, от которого трава стелилась так сильно, что передавала малейший изгиб почвы. А вода в озере отступила на несколько метров от берега, оголив илистое дно стоячего водоёма.

Ряса монаха трепыхалась отдельно от него. Она тянула его в сторону чащи, будто пытаясь уволочь в спасительную темноту леса от этого полыхающего, невиданного и несомненно опасного существа. Но старик даже не видел, откуда исходит этот страшный рокот и вихрь. Он что было сил зажмурил глаза и как мог стоял на ногах, ухватившись за посох, который крепко держался в земле, читая молитвы Богородице.

Немного провернувшись вокруг своей оси, корабль выпустил шасси в виде текучей полупрозрачной направленной желтоватой энергии и будто встал на невидимую подставку. Гул затих. Свист останавливающихся турбин продолжался не более минуты. И воцарилась тишина. Даже вода или деревья в лесу не смели издать и звука. Тишина была настолько глухой, что словно нервно звенела. Старик распахнул глаза. Конструкция этого — чего бы то ни было — поразила монаха до самой глубины души. Эти сияющие узоры, безостановочные механизмы передавали чей-то гений. Ощущение невообразимого восторга переполнило монаха. Чудо, не иначе, которое свалилось на него прямо с небес.

Спиральным вращением роспись узоров превратилась в распахнувшуюся дверь, даже скорее в люк, который занял половину этого нечто. Слепяюще яркий белоснежный свет озарил поляну и старика рядом с изрядно покосившейся лачугой.

Старик будто смотрел на солнце. Ему казалось, что он физически ощущает течение этого свечения сквозь себя. А в образовавшемся проёме возник силуэт огромных для людей размеров. Существо ступило на уложенную будто катком траву и с глухим хрустом расправилось, став ещё выше и ещё страшнее. Спирали на корабле за ним сомкнулись, слепящий свет пропал. Остались лишь расписные узоры на борту круглого корабля да диски с бегунками.

Но старик их не видел. Слепительный свет создал пелену, и он беспомощно моргал, пытаясь разглядеть тяжело ступающего к нему «гостя». Пришелец остановился в метре от монаха, который наконец-то вновь прозрел и, не молвив ни единого слова, перекрестился.

Незнакомец был ростом не меньше трёх метров. Массивные ноги и руки поддерживались сложными механизмами, по которым бегала синеватая энергия, будто ручей, перетекая по невидимому руслу. Она была везде и нигде. Из-за этого нечто казалось, что светится, и в то же самое время его доспехи словно поглощали свет глубиной темноты. Невообразимо страшная картина для средневекового монаха. Неужто самого Дьявола принесла нелёгкая... Так какого чёрта он не из-под земли вылез?

Вдруг то, что до этого старик считал лицом с одним огромным зеркальным глазом, раздвинулось. Стали видны глубокие глаза рептилии с тонкими жабрами вместо носа, которые, присвистывая, вдохнули свежий вечерний воздух. А нижнюю часть лица, или даже морды, прикрывала решётчатая металлическая маска, сквозь которую был немного виден огромный рот, в который могли поместиться две лысых головы старика.

Пришелец грозно поднял левую руку, на которой было лишь три огромных пальца, и из-под маски, из его невообразимо страшной пасти полились жуткие звуки невообразимо грубым голосом, как из преисподней. Рык медведя был по сравнению с этим детским смехом.

— Ургууру махасахрааат!

Старик перекрестился ещё раз. Приподняв палец вверх, открыл рот, желая что-то сказать, и ровно как стоял — так и упал в обморок. А спустя пару секунд и вся его лачуга рухнула так же.

Пришелец со свистом выдохнул из носожабр. Немного осмотрелся. Не спеша прошёл к крыльцу. И плавно водрузился в него, как в кресло.

Огромный рептилоид сидел словно на троне в своём биокостюме на крыльце. А за ним тлели угли в печи посреди разрушенной хижины. Его глубокие, как байкальское дно, глаза отражали этот великолепный пейзаж сумеречного неба, смешавшегося с разлитой алой палитрой и сиреневыми барашками маленьких облаков, распаивающего, словно шторы, усыпанную россыпью мерцающих звёзд бездну — как миллионы крошечных бирюзовых опалов, небрежно разбросанных по догорающему небосводу.

Старик тяжело открыл глаза. Бросив мутный взгляд, он увидел существо, смиренно провожающее день.

— Нет, не привиделось...

Зрение прояснилось, и монах увидел, что от его хаты осталась куча досок и глиняная печь, преданно шкварчающая раскалёнными углями.

Старик стиснул зубы, тяжело и кряхтя поднялся, отряхнулся и, не отрывая взгляда от пришельца, произнёс:

— Ты, прости Господи, урод, почём мне хату поломал?!

Пришелец не повёл даже глазом. Его необычайно глубокие глаза пристально смотрели на проваливающееся в воду солнце, затухающее с каждой секундой. Он лишь подвинулся немного и свёл свои огромные ноги, словно приглашая монаха разделить с ним это мгновение.

Старик грузно выдохнул. Помешкав пару секунд, уселся рядом.

Закат был прекрасен. Маленькие волны журчали и играли алыми лучами солнца, игриво расписывая ими весь берег. Мгновение — и солнце спряталось за водную гладь. Они молчали и просто смотрели на темнеющий горизонт.

Медленно и аккуратно рептилоид достал откуда-то из нагрудного отсека своего скафандра светящийся артефакт. Что-то треугольное, с поистине магическим свечением, которое озарило их в практически ночной темноте неестественным блеском, переливающимся калейдоскопом перламутровых цветов. И это свечение не просто исходило из таинственного амулета, а буквально вытекало из него, растворяясь в воздухе, земле, пришельце и старике. Едва он раскрыл руку — амулет воспарил.

Таинственная вещь левитировала, ни на чём не держась, сама по себе. Выглядела она одновременно абсолютно симметричной под любым углом. Идеальная геометрия в сочетании самых разных хитросплетений граней, которые непрерывно двигались, как оживший калейдоскоп. Вещь явно доносила какую-то информацию, но линии узоров не напоминали никаких иероглифов и знаков — просто красивые линии, напоминающие круги на воде или линии песка, созданные ветром. А синий, белый и красный свет исходил откуда-то изнутри, полыхая и переливаясь, как луч зарницы, отражающийся в капле дождя. Фантастически завораживающая вещь.

Старик оторвал удивлённый взгляд от таинственного амулета, посмотрел на рептилоида и сказал:

— Это ты мне фокусы показывать с неба свалился?

В ответ пришелец только громко выдохнул. И просто бросил взгляд в пустоту. Знаете, бывает так: собеседник не оправдывает ожиданий, но вы знаете, что способны достучаться до закров разума и донести важную информацию. Пробить тупую оборону отрицающего что-то новое и непонятное мозга. Вот примерно такой взгляд был у рептилоида.

Спустя пару мгновений он вновь втянул со свистом холодеющий свежий воздух. Пришелец плавно занёс правую руку над левитирующим артефактом, и вдруг, выделяя яркий свет, от

амулета отделилась, словно капля из воды, идеально круглая середина. Из этой полыхающей энергетическими сгустками капли, переливающейся миллиардами всех возможных оттенков, будто струйкой воды вытянулась тонкая золотая нить, словно горящая этой текучей энергией. Языки дымчатой энергии обвивали нить мягкой спиралью, выделяющей бело-сине-красный перламутр.

Рептилоид своей огромной рукой, размером с две головы старика, аккуратно повесил этот непонятный артефакт растерянному и напуганному монаху на шею, рядом с потёртым, отполированным дочерна старостью и кожным жиром деревянным крестом на льняном шпагате.

Оставшийся над левой трёхпалой ладонью амулет, медленно вращаясь вокруг своей оси, плавно разделился на три симметричных части, которые приняли форму клыка, разве что резкие грани периодически выступали в разных местах этих «клыков». По которым, пульсируя,

бегала неведомая энергия бело-сине-красными вспышками, окутывая их тягучей энергетической дымкой.

Рептилоид филигранно вымеренными движениями своей огромной руки подтолкнул их залететь в уже подготовленный небольшой мешочек, сияющий пылающими узорами, бегло перемещавшимися по микроскопическим волокнам — будто ожившим и состоящим из роя серебряных и бронзовых пылинок, бесконечно смешивавшихся друг с другом.

Удивление старого монаха сложно просто назвать удивлением. Он был поражён. Все эти вещи были непреодолимо притягательными. Ему вдруг стало невероятно просто дышать, а разум прояснился — да так, словно до этого всю свою жизнь он был сонным или даже спящим. Он начинал видеть вплоть до микроскопических элементов этого мешочка с амулетами, состоявшего из мизерных бегунков, создававших вокруг себя светящиеся диски. Кинув взор в небо и присмотревшись, он увидел поверхность Луны как на ладони. А бросив взгляд на звезду, обнаружил, что это вращающийся вокруг своей оси целый стусок триллиардов звёзд.

— От лукавого всё это... Да ты ж демон...

Как будто вернувшись в сознание, он почувствовал нежное прикосновение чего-то тёплого и мягкого к руке. Это рептилоид вложил в его ладонь этот удивительный мешочек, энергия которого будто соединялась через руку монаха с амулетом на его груди, заряжая какой-то безграничной бодростью и силой. Вдруг мир вокруг стал абсолютно понятен, и чувство гармонии будто сливалось с бесконечным космосом над ним. Он созерцал великое фрактальное подобие его жизни и мира, в котором он жил до этого момента, в сравнении с величием Вселенной над ним и микрокосмоса под собственными ногами.

Жабры пришельца свистнули, и он снова заговорил своим страшным рокотом из преисподней. Внезапно его речь стала напоминать человеческую, которую можно было даже разобрать на слова.

— Моя раса погибла. Целую вечность я скитался по космосу и уже отчаялся найти цивилизацию, которой суждено стать великой. Я — Уриин Сахо — последний прокλος.

— Проклос... значит. Не слышал о таких. Я-то сам монах, отшельник... — старик вдруг заговорил с инопланетянином, как со старым знакомым. — Дедушка Пихто меня кличут. А ты как по-нашему молвить научился, ящур?

— Это ядро великого амулета на твоей груди. «Слеза Великой Брамь», дар Спасителя Регулы, сына Творца Шератана и Премудрой Альгиебы. Чьё доверие мы не оправдали. Ядро позволяет тебе понять то, что не дано разуместь от природы.

— Эво как...

Дед Пихто по-старчески закряхтел и начал усаживаться поудобнее. Как вдруг замолк и недоверчиво сел, выпрямив спину. Уриин Сахо немного наклонился к старику и показал свою мощную ладонь перед лицом монаха.

— Вы слабая и молодая раса, которую ещё ждёт долгий путь развития и эволюции... Но нам, проклосам, не помогла наша древность, наука, как и чистота наших устоев.

Уриин Сахо прикоснулся средним пальцем ко лбу старика. Но тот резко одёрнулся.

— Мне не нравится, когда меня трогают за лицо... И я монах, ко мне вообще нельзя прикасаться.

— Так надо. Я покажу тебе, как погиб мой дом.

Дед Пихто повернулся к развалинам своей хижины и глубоко вздохнул.

— Ну да...

Немного поколебавшись, он покорно уперся лбом в огромный палец рептилоида.

Глава 3. Зерниды и гибель Протеи

Перед глазами Деда Пихто вдруг побежали уродливые существа с мощными щупальцами-руками и ложноножками, жёсткими хвостами, будто одетые в жёлто-голубые биоскафандры с грязно-коричневыми вкраплениями, похожими на разновидность камуфляжа, и высекающими искры трубами (просто он ещё не понимал, что так может выглядеть оружие, как не понимал, что является скафандром, а что — частью плоти невиданных существ). Они мелькали ужасающим бесконечным потоком, самых разных видов, но одинаково кошмарные. Ростом эти существа были немного выше человеческого и напоминали скорее огромных насекомых, смешанных с рептилиями, чем животных или людей. Отвратительные лица, которые нельзя назвать лицами, — это сплошная движущаяся масса с клешнями-челюстями, усиками и толстым твёрдым мехом с фасеточными глазами. Реально страшные разумные существа, наводящие ужас одним лишь своим видом.

Старик вновь одёрнулся от пальца Уриина Сахо. Эта реальность пугала монаха невообразимо. Он тяжело и часто задышал, словно после пробежки.

— Да ты ж леший, а... Это что за черти?

— Зерниды. Раса разрушителей миров. Рождённая из грязи на самом краю Вселенной. Она разрастается как зараза на просторах огромного космоса. Наша планета была пятой населённой, которую разгромили эти жестокие захватчики... Ошибка оказалась в том, что мы пошли с ними на диалог, когда к нам прибыли их первые разведывательные отряды. Они подло, пользуясь нашим гостеприимством и энергией, создали портал, через который к нам ворвались миллионы кораблей, миллиарды воинов. Мы были не готовы к такой атаке. Моя цветущая планета Протея погибла в страшном огне.

Дед Пихто глубоко вздохнул и опять прикоснулся лбом к пальцу рептилоида, и перед его глазами вновь стали мелькать чужие воспоминания.

Словно дух, летающий в событиях, старик видел, как жуткий космический корабль, больше похожий на гигантскую засохшую ветку терновника, обмотанный ржавой колючей проволокой, вращающийся вокруг своей оси, приземлился на благоухающей планете с невиданными по масштабу мегаполисами. Величественные жёлтые пятигранные пирамиды, источающие ярко-зелёный свет из огромных левитирующих кристаллов. Пёстрые, будто палитра из акриловых красок, растения были абсолютно везде. А небо отдавало свежей салатовой зеленью с двумя ярко-красными светилами и розово-голубыми облаками.

Сотни тысяч рептилоидов без масок и тяжёлой механической сбруи, в узорных разноцветных одеждах встречали зернидов с ликованием, грохоча своими огромными ртами.

Из корабля вышел огромный зернид размером с проклоса. Он был красно-коричневого цвета, с шестью руками, на которых было по четыре пальца-щупальца, мощным торсом-панцирем, ногами, больше похожими на лапки (скорее лапища) кузнечика, и с мощной горбатой спиной с играющей на солнце, словно бронзовый щит, растущей из него бронёй. Да всё его тело было одной сплошной ходячей бронёй, закованной в подвижные латы из непонятного пористого металла. Весь внешний облик этого зернида говорил о его мощи и могуществе. Ужасающе страшное существо.

Но рептилоиды ликовали. Ярко-зелёный небосвод, как будто пролитыми красками, закрыл густой салют. Атмосфера праздника и великого нового мира рождалась этим торжественным приёмом.

Следом за огромным шестируким зернидом шли (а ещё ползли и летели) зерниды самых разных видов. Похожие на птеродактилей с несколькими жукообразными головами и укутанные в броню шестипалые собаки, тело которых наполовину состояло из страшной челюсти с

бессчётным количеством клыков, — и куча самых разных форм жуткого агрессивного уродства, явно созданных исключительно для уничтожения всего на своём пути.

Делегация с праздничным шествием прошла в самую большую пирамиду. Там было тихо — помещение будто впитывало всякий звук. Мощный ярко-салатовый луч из этой пирамиды бил прямо вверх и окутывал собой всю планету прозрачной глянцевой оболочкой, будто мыльный пузырь или стеклянный шар. В центре этой огромной пустой пирамиды левитировал тот самый треугольный амулет с магическим свечением, освещающий своим невообразимым жидким светом пять статуй исполинских размеров, подпирающих своды этого пятигранного зиккурата, чем-то напоминающих людей. Одна была похожа на человеческую женщину, четверо других — на мужчин. Но это не точно.

Шестирукий зернид неожиданно сделал шаг к Слезе Великой Брам, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от священного артефакта. Как вдруг его жёстко оттолкнул мощный охранник-проклос, возникший словно из ниоткуда. Какое-то мгновение... И огромного солдата растерзали в клочья собаки. В святом для проклосов месте началась жуткая кровавая бойня. Зерниды своими телами закрывали вождя и уносили жизни рептилоидов одного за другим, в мгновение ока лишив Протею самой высокой элиты.

Военные проклосы, облачённые в механическую броню, посыпались как камнепад со сводов зала пирамиды, вымещая всю мощь своего высокотехнологичного оружия, окружая отряд яростно сражающихся зернидов. Будто в коконе из обороняющихся воинов главарь захватчиков протянул руку к Слезе с каким-то золотистым диском, который вдруг взлетел и превратился во вращающийся с фантастической скоростью в восьми плоскостях механизм. Как только он оказался над амулетом, луч энергии выкрасился в фиолетовый цвет и будто реактивным выстрелом ударил в небосвод из пирамиды.

Салатовое небо расступилось, и за ним возник тёмный открытый космос. Из густой пепельно-красно-чёрной тьмы в атмосферу Протеи стали входить сотни тысяч кораблей захватчиков. Их было столько, что за ними уже не было видно даже краешка космоса. Целая планета будто коростой проказы в космических размерах закрывалась плотным слоем из атакующих кораблей. Шипованные космолёты стыковались и превращались в единую систему блиндажей и укреплений над головой. Абсолютное зло с непобедимой стратегией пришло нести страшную и мучительную смерть процветающей цивилизации и её прекрасному дому.

Землю и воздух наводнили миллиарды летающих зернидов с огромными пушками и невероятно быстрые огромные ползучие змеенасекомые, стирающие всё на своём пути. В то время как из мглы в дымке чёрно-красного тумана начали буквально падать новые звездолёты, маневренные как мухи и мощные как истребители. Их были сотни тысяч, нападающих роем самых разных видов — от огромных длинных, с сотнями острых пик и пушек, с которых в алых лучах телепортировались новые и новые юниты зернидов, до маленьких, у которых по шесть крыльев: они постоянно крутились во всех осях, выворачивая свои турбины, как щупальца осьминога, чтобы менять траекторию полёта, и просто испепеляли все летательные аппараты проклов, гибнувших повсеместно.

Вдруг мощные гаубицы обороны проклов, яростно расстреливающие корабли захватчиков, прекратили огонь сопротивления. Все они подняли дула вверх. Бессмысленное сопротивление рептилоидов прекратилось спустя пару минут после начала атаки захватчиков. Но это не остановило ни одного зернида, которые, не теряя времени на манёвры, начали уничтожать как можно быстрее каждого проклова. И каждый гордо стоял и ждал участия вне зависимости от возраста и пола. Гибли все, гордо подняв голову вверх. Как вдруг гаубицы внезапно дали мощный залп накопленной энергией. Десятки тысяч концентрированных энергетических снарядов обрушились на главную пирамиду, создав ядерный взрыв такой мощности, который превратил в пыль всё на тысячи километров вокруг. От мегаполисов не осталось и следа — только выжженная земля. Там не было ни проклов, ни зернидов, ни даже кораблей в небе: их сожгло и отбросило, как и всё остальное. Взрывная волна самоубийственного для планеты выстрела огибала Протею раз за разом, смешивая останки проклов и зернидов, технику захватчиков и обороняющихся, превращая в обыкновенный мусор жизни, историю, искусство и планы великой расы.

Небесный портал начал закрываться, и не успевшие его преодолеть корабли зернидов стали взрываться, обрушиваясь прямо на свою недостроенную небесную крепость. Все силы оставшихся в живых ринулись к месту пирамиды, оперативно сжимая кольцо. Первым прибыл Уриин Сахо с несколькими сотнями бойцов. Они отчаянно сцепились в схватке с тысячами телепортируемых перед ними зернидов буквально врукопашную, вооружившись плазменными

мечами, похожими на горящее мечете, оттесняя врага залпами из шестипалых танков, испепеляющих чем-то вроде лазера из голубоватого кристалла на крыше, и мощных свистящих бластеров. Давая героически яростный отпор. Сахо успел схватить амулет, как их отряд накрыло уже сотнями тысяч наступающих. Зерниды были буквально везде. Он в бою с несколькими атакующими захватчиками вкатился в свой космолёт, успел выбить ещё нескольких нападавших, и корабль тут же вырвался из атмосферы Протеи, прикрываемый другими кораблями последних проклов, отдающих жизни за своего последнего вождя. Его корабль просто растворился в огромном чёрном космосе, оставляя далеко позади пожираемый подлым врагом ещё недавно цветущий дом.

Уриин Сахо убрал палец ото лба старика, редкие волосы которого стояли дыбом от ужаса, как от удара током. Увиденное было настолько реальным и настолько противоречивым миру, который был выстроен в голове у старого монаха до этого момента, что он был просто повергнут в шок. Старик сидел, не моргая, вылупившись в одну точку, изредка поскуливая. Несколько минут Дед Пихто приходил в себя, то смеясь, то пуская слезу, то невнятно причитая, удивлённо что-то бормоча под нос. Потом начал жадно хватать воздух, пытаясь снова сфокусироваться на реальном мире вокруг него. В итоге шёпотом произнёс:

— Водички надо...

Монах отрыл в развалинах хижины кувшин и прямо из него залпом сделал штук десять глотков, обливая свой старый льняной балахон. После чего уселся снова рядом с рептилоидом и сказал:

— Что ж... И на чём мы там остановились?

Рептилоид начал снова дышать сильнее и громче. Ему явно непросто давалась вся эта история. Жуткий голос огромного пришельца оставался столь же грубым и басовитым, но в нём слышалась непередаваемая усталость.

— Нас зверски убивали. А я был одним из тех, кто приютил этих хищников... Я был лидером, который ошибся, был слеп... Именно моя рука соединила разделённые элементы Дара богов. Мечтая о новом мире, полном достатка и процветания, обещанного ими, я и наши вожди подвергли собственную расу болезненной и насильственной смерти. Эти предатели Великой Браммы выкачивают из живых планет все ресурсы, забирают весь опыт, все блага захваченной цивилизации. Зернидам не нужны рабы, большинство из них — безмозглые, ведомые существа, которые беспрекословно подчиняются своим хозяевам. И как же их много... Мы бились на всех фронтах, каждый дрался до последней капли крови. Нам всё-таки удалось пробиться к порталу ценой жизни всех проклов на Протее. Амулет, который я тебе отдал, — это ключ, ключ ко всему, созданный самим космосом. Мы закрыли этот проклятый мост, но было уже поздно — зернидов было слишком много. Родная планета погибла на моих глазах. И я отправился в космос в поисках новой цивилизации, чтобы предупредить о надвигающейся неизбежной беде. Я очень долго вас искал. Надеюсь, не меньше времени уйдёт и у разведчиков зернидов.

— Ты погоди, яшур. Я ещё час назад думал, что небо твёрдое, а ты мне уже про нападение иноземных жуков толкуешь! К князю-батюшке тебе надо. Его головушка светлая быстро решение найдёт. А я старый монах, помилуй, родной.

Дед Пихто подскочил и стал ходить кругами, рассуждая вслух о важности дела и своих преклонных годах. Уриин Сахо встал и остановил старика. Его массивное тело перед монахом выглядело как встреча взрослого мужчины с семилетним мальчишкой. Который поучительно наклонился к испуганному ребёнку, чтобы успокоить.

— Этот амулет подарил мне бессмертие, а моему кораблю — неиссякаемую мощь. Я свою миссию выполнил, старик, и больше не могу терпеть эти терзания, рвущие в клочья мою душу. Мой путь длиной в вечность был страшной карой за нашу ошибку. Совпадений во Вселенной не случается, каждый путь — план Великой Браммы. Значит, так суждено. Защита этого

прекрасного мира — теперь твой крест. Ты должен найти троих достойных, которые направят силу амулета на сторону добра. Которые отдадут жизнь и все силы, чтобы остановить эту космическую чуму. Я вижу и знаю, что ты способен дать отпор — у тебя светлая душа и доброе сердце. — Огромная рука проклоса прикоснулась к груди старика, из которой сердце всеми силами пыталось вырваться наружу. — Помни, что без Слезы Великой Браны зерниды не смогут открыть портал, и в этом ваш шанс сохранить свой мир. Вы должны быть готовы к встрече с этим злом. А моё время пришло. Прощай, Дедушка Пихто.

Пришелец развернулся и неспешно пошёл к кораблю, который вновь ударил ослепительным светом, пуская на борт своего капитана. Старик лишь смог выдавить вслед:

— Что, даже чаю не попьёте?

Пришелец обернулся, уже стоя в дверях. Из открывшейся ниши в стене своего летательного аппарата достал небольшой (для своих размеров) мешок. Он сиял каким-то глубоким неземным перламутром, словно в нём хранилось что-то магическое. Силуэт Уриина Сахо двинулся обратно к монаху. Дверь закрылась, и яркий свет пропал. Его лицо и латы снова можно было различить. Рептилоид засунул свою огромную руку в мешок и достал оттуда четыре чёрные круглые палки длиной сантиметров по сорок. Три из них он просто кинул на траву, но одну протянул Пихто.

— Что это, милок?

— Это уже лично от меня. Это оружие. Я хочу, чтобы зерниды видели его и знали, что гибнут от наших мечей. Великая месть и возвращение чести моей расы будет в твоих руках, старик. И в руках твоих избранников, которые встанут на защиту вашего мира. Любой из мечей отдай достойному вместе с частичкой амулета. Помни, что амулет придаст силы и наполнит неиссякаемой энергией каждого из вас. И теперь твоя миссия — ждать зернидов, дабы не допустить гибели и вашей расы.

Старик бросил растерянный взгляд на необычную палку в своей руке. Она заиграла тёмно-коричневыми прямоугольными узорами, похожими на те, которые украшали латы пришельца и его корабль. Он почесал голову и поднял взор на рептилоида, который начал казаться уже каким-то родственным.

— Мне нельзя оружие, милок, грех это. Господь не велит. Забрал бы ты свои вещи...

— Теперь они твои...

— Касатик. Я же даже этим пользоваться не умею.

Таинственная палка так и манила взгляд — в ней было что-то невероятно притягательное. Эти узоры и хранящаяся внутри сила... Как она лежала в руке! И ощущение просто от владения ею доставляло какое-то необъяснимое удовольствие.

Уриин Сахо отвёл руки к себе и произнёс:

— Каждому своё, Дедушка Пихто. Если работает, значит, выбор правильный. Как вы говорите, один Господь знает. Оружие само выбирает владельца. Хозяева этих мечей почли бы за честь передать их новым героям. Этот меч — мой. И я горд, что передал его самому достойному во Вселенной. Да видит Брама — ты накажешь зло пламенным кнутом, а огненная трость не позволит тебя сломить во веки веков.

Уриин Сахо вновь развернулся, тяжёлой поступью зашёл обратно в корабль. Он больше не останавливался и не оборачивался. Спиральные двери закрылись, сияя манящими узорами.

Старик поднял трубки и аккуратно вложил их в мешок из необыкновенной инопланетной ткани. Но свою оставил в руке — её не хотелось выпускать. Резкий рокот прогревающихся турбин сотряс землю, нагнетая мощь. Мгновение — и они выплеснули энергию, поднимая ураганный вихрь на лугу, заливая его ярким светом. Старика чуть не сбило с ног ветром, но из узорчатой трубки в его руке внезапно вырос пламенный чёрный посох с золотистыми вплетениями, глубоко воткнувшийся в землю и ставший надёжной опорой для монаха. Он держался

за полыхающую палку, будто растущую из недр, — она твёрдо помогала устоять отшельнику против сметающего всё урагана.

Пихто будто почувствовал в себе силы, словно ему вновь двадцать. Посох сложился обратно в трубку, и монах, окутываемый, как медузой, своей ожившей рясой, то и дело оголявшей срам, прошёл к единственному уцелевшему элементу дома — печи. И водрузился на лежанку, наблюдая за генерирующим мощь кораблём рептилоида.

Корабль сорвался ввысь и с оглушительным грохотом начал набирать высоту. За считанные мгновения поднявшись на несколько километров, космолёт завис. Уриин Сахо расслабленно откинулся в кресле и произнёс:

— Наконец-то...

Пришелец дёрнул рычаг за сиденьем, и корабль взорвался, словно водородная бомба, заливая ярчайшим салатovým светом весь небосвод. На эту картину в небе смотрел монах-отшельник Дед Пихто, лёжа на лежанке в развалинах рядом с тлеющей от турбин травой у озера на лугу. Этот взрыв истинно олицетворял всё то, что происходило в его голове.

Вновь стало абсолютно тихо. Запели сверчки. Дед Пихто молча смотрел в небосвод, переживая случившееся.

С этого момента у него появилась цель, путь, предназначение, миссия — называйте как угодно. Но судьба старика тысячу лет назад сделала такой крутой вираж и направила на новый незыблемый путь, что испытываемое им потрясение передать словами просто невозможно. Вот и смотрел он на этот фантастический взрыв, раскрыв рот, преисполняясь и осознавая шаг в новую эру людей, подтирающих задницы лопухами.

А когда салют разошёлся вокруг до самого горизонта и затух, на небе не осталось и следа. Старик цокнул и пробормотал:

— Да ты ж леший, а...

Спустился с печи, собрал пожитки и отправился в путь длиной в тысячу лет.

Глава 4. Алёша Попович и Тугарин Змей

Тем же тёплым вечером в одной из деревень неподалёку весь честной народ собрался у берега озера, чтобы поглазеть, как будут топить ведьму. Рыжая девица покорно плелась к водоёму, который в своих тихих водах отражал миллиарды звёзд и круглую луну, угрюмо заглядывающую на песчаный берег перед казнью.

Её дрожащая походка с огромным булыжником в руках, прикованным цепью к шее, разрывала в клочья душу рослого юноши, который кричал навзрыд. Неразборчиво, яростно разбрасывая мужиков в льняных рубахах, чтобы прорваться к девушке, уже ступившей на связанный из брёвен плот, где её ждал батюшка в чёрной рясе, сурово смотрящий на центр озера с факелом в руке. Громко и абсолютно невнятно зачитывая строки Ветхого Завета — о Божьей воле и знаках, которые ждут от Господа Бога, если девка всё же чиста душой.

Целая сцена разыгрывалась под звёздным небом. Пара десятков мужиков каталась в пыли, с трудом сдерживая ярость крепкого парня. Женский плач и лязг ржавых оков несчастной. Страх, жестокость, боль и ненависть средневековья концентрировались в забытой Богом деревушке.

Но вдруг тёмное ночное небо залил ярко-салатовый свет с ни на что не похожим грохотом. Весь народ рухнул на колени, ударяясь лбами оземь и безостановочно перекрещиваясь. По толпе пошёл говор, что знак Господь дал. Стало быть, не ведьма девка. Надо казнь отменять и топить её не стоит.

— Отец Ануфрий, что это? Отпустить Любаву, стало быть, нужно! Сам Бог велит! — закричал парень изо всех сил. Мужики, не ослабляя хвата, вылупились на батюшку. — Батюшка!

— Господь освещает путь благому делу. Нет знаков недовольства Духа Святого. Да примет он душу твою грешную, ведьма.

Девушка, рыдая, рухнула на колени на плот с тяжёлым глухим лязгом удара о дерево металлических оков. Она сжала кулаки и всеми силами тянула на себе изорванное грязное льняное платье. Любава рыдала и кричала, взмаливая к Богу, прося о пощаде небеса и ангелов-хранителей. Но поп всё-таки оттолкнулся длинной палкой от берега, и плот начал неспешное тихое движение к центру озера, пуская лёгкие волны на натянутом чёрном зеркале водной глади, размазывая отражение звёзд и полной луны с кляксами ярко-зелёного цвета.

А салатовое свечение тем временем уже совсем пропало с неба. Лишь разлетались небольшие горящие осколки корабля пришельца во все стороны, так далеко, что уходили даже за горизонт, создавая причудливый цветок, полыхающий самыми разными цветами. Огни, словно прекрасные лепестки, становились всё больше и всё сильнее завораживали людей, которые очарованно смотрели на прекрасный огненный каскад разыгравшейся в небе палитры неземной красоты.

Долго им заворожёнными стоять не пришлось — первый же обломок корабля со свистом реактивного снаряда разнёс в щепки один из домов, ударяя снова и снова по деревне, устроив дикую панику у древних русских. Небесная кара — страшная штука, от которой скрыться попросту невозможно.

Едва ли не хором жители деревни взмолили попа даровать жизнь девушке и не сердить Господа. Парня уже никто не держал. И, беспрепятственно добежав до берега, юноша схватился за верёвку и притянул плот обратно, провалившись по щиколотки в мокрый песок.

Жёстким толчком в грудь юноша сбил попа в воду и взял Любаву на руки. Едва он ступил на землю, как удары с неба сразу же прекратились. Но половина хат уже была объята пламенем. Роковая тишина нависла над деревней с потрескивающим в огне деревом и гулом мощного

жара. Растерянные крестьяне, как стадо баранов, молча смотрели на пламя, бушующее на всех деревенских улицах.

Но звонкий стук в колокол, скрипучие деревянные вёдра и материнский плач, умоляющий спасти ребёнка, словно массовый удар током запустили цепную реакцию в толпе. Народ бросился спасать дома от жадно пожирающего их огня.

— Алёнушка! Доченька! В хате она! Дочка моя! Спасите!

Женщина бегала вокруг объятых пламенем дома, жар от которого превращал её волосы в пепел. Подоспевшие люди схватили крестьянку, которая уже перестала кричать и без сил рухнула на колени перед огромным костром, который ещё пару минут назад был её домом. Десятки вёдер выплёскивались на полыхающие брёвна, но пламя не затухало ни на мгновение, а лишь разгоралось сильнее и сильнее, как будто усмехаясь шипением пара над бессильными людишками.

Светловолосый парень, освободив от оков Любаву, вдруг нырнул в озеро прямо в одежде. Спустя всего несколько секунд он выбрался на берег весь мокрый и бросился к горящему дому. Он бежал, заматывая на лице кусок рваной мокрой тряпки от рубахи. С разбегу что было сил выбил плечом объятую пламенем дверь и закатился в задымлённую хату. Огонь вошёл следом за ним и начал карабкаться по всем стенам и потолку к середине комнаты, где в кровати-качалке сладко спала девочка-младенец.

Парень, окутанный будто облаком из пара, прошёл к ребёнку. Рядом со столом стояло ведро с водой. Которое, кстати, тоже уже горело. Да всё горело — и кровать, и одежда самого парня начала подгорать.

Малышка почувствовала страшный жар, проснулась и начала хныкать. Он взял горящее ведро, аккуратно полил девочку, а оставшуюся воду вылил на себя. Взял младенца на руки, укутав в мокрые пелёнки, и собрался идти обратно. Но дверной проём горел как костёр чистилища. А спустя мгновение потолок начал рушиться, падая всё ближе и ближе к ним. Он почувствовал, что мокрые тряпки больше не сдерживают жар и вот-вот начнётся процесс приготовления его самого — как бы жестоко это ни звучало. Крестьянин оказался в огненной ловушке, которая, как печь, закрылась, создавая поистине адский жар. Глаза не могли видеть, лёгкие и нос обжигало всё сильнее с каждым вдохом, а огонь и дым заняли всё вокруг — право, лево, верх, низ — ничего не стало. Сознание стало покидать его. Парень закрыл девочку телом и бросился сквозь падающие балки просто вперёд. Тяжёлыми шагами он мчался вдоль полыхающей стены, как увидел отблески чёрного отражения. Несомненно, это было закоптившееся от гари окно. Мгновение. Раскалённое стекло разлетелось вдребезги. Юноша вывалился как огненный комок, или масленичное чучело, объятый пламенем со всех сторон, как головешка. С десятков вёдер словно каскадом окатили его водой. Обуянный паром молодой человек поднялся с колен и протянул малышку в руках к матери.

Радостное ликование эхом разошлось по горячей деревне. Женщина бросилась целовать руки и лицо спасителя.

— Спасибо тебе, Алёшенька, сынок... Дай Бог тебе здоровья, золотой ты мой ребёнок...

Тяжело ступая сквозь ликующую толпу, он прошёл к рыжеволосой девушке, которая покорно ждала его на берегу. Он крепко обнял её и тяжело выдохнул. Она нежно поцеловала его обугленную щёку и прошептала на ухо:

— Герой...

Алёша взял на руки Любаву и впился своими губами в её губы, сливаясь в сочном поцелуе влюблённых сердец.

— Побойтесь Бога! Пост же! — на фоне раздалось невнятное бормотание попа.

Горящая деревня вдруг залилась радостными криками. А где-то даже забренчала бала-лайка. Народ хором затянул песню:

Ой люли-люли, красно солнышко встаёт,
По лугу зелёному хоровод идёт.
Берёзонька белая клонится к реке,
Девы смеются с венками в руке.
Ой люли-люли, хлеб да соль на столе,
Радость разлилась по родимой земле.
Звонко гусли вторят, пляшет молодец,
Будет день счастливый, будет добр конец.

Вся деревня пела и тушила пожар до поздней ночи, как одна семья латая повреждённые строения. Как только стук топоров и скрежет вёдер затих, батюшка собрал народ на площади.

— Бог учит: за каждую душу невинно убиенную Господь покарать желает. И чуть дочери меня не решил за мою слепость и ошибку. Все живы. Хаты мы отстроим, деток воспитаем. А Алёшенька и Любавка по завершении поста нехай свадьбу отгуляют. Таков мой наказ.

Народ взревел. Люди ринулись поздравлять жениха и невесту... Но прямо в толпу из ночной мглы влетел всадник со стрелой в плече. Толпа замолкла. Он с трудом спустился с лошади и сел прямо на пыльную землю. Ему дали попить из обугленного деревянного ковша. Выпив всё до последней капли, парень поднял угрюмый взгляд и произнёс:

— Басурмане.

Площадь опустела в мгновение ока. В рассветных лучах люди спешно собирали вещи, будили и выгоняли скот, в панике мечась между домами и сараями, снаряжая повозки и накидывая туда всё нажитое добро. Как вдруг суeta прошла. Все остановились и замолкли.

В деревню неспешно зашла татарская конница с гордым предводителем в меховой шапке с пыльным лисьим хвостом. Их острые монгольские лица жадно впились взглядами во всё вокруг. Орда страшнее любого пожара, и это не понаслышке знал каждый русский.

Гордо спешившись, с безэмоциональным выражением лица командир захватчиков не спеша прошёл к центру площади. Он вынул стрелу из плеча побледневшего от страха гонца, который лишь немного промычал, стиснув зубы от боли. Татарин посмотрел на окровавленный наконечник и во всеуслышание заговорил скрежещущим голосом:

— Хан вэлэл с сией дэрэвни оброк собрать, со двора две скотины и по тры копейки с морды!

Люд не сдвинулся с места. Народ молчал и стоял как вкопанный. Монгол прошёл обратно к коню. И как только запрыгнул на лошадь, конница из двух десятков бойцов ринулась по улицам деревни.

Народ бросился врассыпную, зазвенели стрелы и женские визги. Татаро-монголы профессионально грабили и били мечами по людям. Они прямо на конях врывались в дома и стреляли из луков по убегающим. Едва взошла заря, как целая деревня покорно стояла в ряд со скотиной и обозами. Связанные девушки рыдали, брошенные на лошадей воинов-азиатов, оголив срам в ссадинах и крови. Ни один человек не решался поднять голову. Вся деревня тяжёлым поступом двинулась следом за конницей, прямоком в рабство и жизнь в насилии.

Как вдруг конь главного татарина остановился. Посреди дороги стоял монах, канонически сложивший руки у груди, облокотившись на сказочно полыхающий золотистыми отливами и каким-то чёрным свечением посох.

— Стой, милос! Оставьте добро, да девок киньте, не по-православному деяние сие.

Татарин оглянулся на своих солдат, развёл руками и удивлённо обратился к старику — таких представлений ему ещё видеть явно не доводилось:

— Атэц, уйди, коли жить хочешь, второй раз нэ папросым.

И едва он закончил фразу, как один из всадников сбросил девушку с коня и во весь опор рванул к монаху, размахивая саблей над головой.

Отработанным приёмом солдат со свистом разрубил воздух и занёс саблю вверх, чтобы показательно разрубить старика напополам. Мгновение... И глухой мощный удар с треском снёс всадника с лошади, которая без остановки убежала дальше в туман.

Дымка расступилась. Алёша с грозным видом стоял с огромной дубиной в саже и в своей опалённой льняной рубахе. Он злобно, не отрывая взгляда от солдат, прошёл к старику и встал рядом с ним.

— Жизнь отдам, но вас не пушу! Супостаты проклятые! Дьявольские отродья!

Татары неспешно стали сбрасывать с коней девок и награбленные вещи, ожидая команды от предводителя, ненавистно прожигающего взглядом Алёшу. После он кинул свой взор на монаха, оглянулся на своих солдат и произнёс:

— Можешь начинат молиться за вас обоих, атэц.

Вдруг к татарину со связанными руками подбежал батюшка и взмолился:

— Помилуйте, господин, это Алёшка — кровинушка моя, помилуйте сыночка моего, бесы попутали, не ведают, что творит! Мне голову отрубите, не трожьте его душу святую.

Ответом монгола стал жестокий удар сапогом в лицо попу. Едва батюшка успел рухнуть на землю, как конница помчалась во весь опор к Алёше и Пихто. Воины подняли яростный клич, сверкая оголёнными саблями над головами и с треском натягивая тетиву с зажатыми на прицеле стрелами, закручивая за собой плотный туман.

Алёша просто зверски кричал что было мочи. Как вдруг закричал даже Дед Пихто:

— Ой, прости-и, Господи-и!

Дед Пихто и Алёша бросились навстречу врагу. Старик выронил мешок с трубками Урина Сахо, а его трость вдруг втянулась обратно в рукоять, но, словно извивающаяся змея, выскользнул пламенный золотистый хлыст с другой стороны рукояти. Каждое прикосновение огненной плети издавало сильный присвистывающий скользящий удар кнута, рассыпаясь искрами и всплесками небольшой волны энергии, оставляя после себя расходящиеся небольшие золотистые плазменные круги.

Кони монголов вдруг вздыбились и сбросили всех до одного татарских всадников, которые растерянно, но быстро начали подниматься на ноги. Стрелы переломались в кожаных колчанах, татары взяли в руки свои сабли. Старик с неземным гулом махнул над головой хлыстом и мощным ударом выбил мечи у нескольких захватчиков; на землю вместе с оружием упали горящие окалины, а на лезвии в месте удара пламенного кнута металл был словно откусан. Алёша опешил. Магия, не иначе! Да и старик сам остановился и удивлённо уставился на кнут. Но спустя всего секунду, сурово глядя на противников, резко махнул плетью от себя. Плеть выпрямилась и разбежалась золотисто-пламенной молнией с грохотом в разные стороны, поразив врагов.

Кони бросились врассыпную в туман; так же поступили оставшиеся татары, побросав ударившее их разрядом оружие. Поражённые солдаты лежали на земле и растерянно смотрели на спокойно идущего старика. Хлыст втянулся в трубку и снова превратился в посох. Прожигая кольчугу, старик надавил посохом на грудь их предводителя.

— Отдайте людям, что наворовали.

— Шайтан... Ты кто? — прошептал воин, сдерживая боль от жара в груди от полыхающего посоха.

Монгол отполз назад и встал на ноги, оглядываясь на разбросанный отряд в кровавых лучах восходящего солнца, выжигающего туман.

— Дед Пихто... Верните добро. — Старик подошёл к солдату вплотную и смотрел, не отрывая уверенного взгляда.

Как вдруг яркая белая вспышка с новым неведомым искусственным глухим раскатом звука возникла за спиной старика. Он обернулся и увидел рядом Алёшу Поповича с чем-то вроде светящейся белым цветом серебристой шипованной битой в руках. А в стороне, при-

мерно в метрах десяти, в соломенную крышу сарая уже влетал татарин, который, видимо, попытался напасть сзади на старика.

Алёша ничего не говорил. Он удивлённо рассматривал магическое оружие в его руках, одобрительно кивая головой.

К слову, Дед Пихто был удивлён не меньше. Как вдруг вновь прозвучал скрипучий голос монгола.

— Эй, шайтан! Ты думаешь, ты адын после вспышки ночной вещи магических насобирал?

Он уже стоял в паре десятков метров от старика и Алёши; двое солдат с трудом волокли огромный бронированный ящик. Пихто узнал бегающие по нему узоры. Такой же точно хохломой переливались трубки, которые давеча ему вручил пришелец, да и сам корабль рептилоида был весь в таком стиле.

— А я их не собирал, мне их для благого дела Уриин Сахо вручил.

— Да што ты гаварыш, старык. Тогда и я тэбэ вручу. Тугары, выпускайте змея!

Солдаты провернули круглую ручку с треском заводного будильника и бросились враспынную.

Крышка огромного чёрно-серого сундука плавно открылась со стелющимся паром по земле.

Очень плавно из сундука поднялась страшная когтистая тёмно-красная лапа рептилии, в которой была обглоданная наполовину человеческая нога. Она облокотилась на борт, и из этого едкого дыма появилась вторая. Медленно поднялась сонная голова огромной красно-коричневой ящерицы, которая не спеша пережёвывала человеческую руку — скорее всего бедолаги, который первым решил открыть этот злосчастный сундук. Ящур медленно и совершенно не обращая ни на что внимания выполз из ящика. Рептилия не обращала внимания вот совершенно ни на что. Просто жевала руку и безэмоционально смотрела по сторонам.

У четырёхметровой рептилии не было задних лап — это была огромная толстая змея с двумя лапами-крюками и напичканной зубами-шипами огромной мордой. Дед Пихто приоткрылся и начал различать, что на ней была настоящая броня — тёмно-жёлто-синий панцирь, явно надетый. Это точно солдат зернидов, которого на вечное мучение обрёл Уриин Сахо в надежде грохнуть эту тварь вместе с собой при взрыве корабля. Хороший видать, сундук, да и тварь, видать, живучая.

В сонных и пустых глазах змея отразился блеск амулета на груди старика, такое же магическое золотое переливание его посоха и белоснежный свет биты Алёши. В то же мгновение зрачки сузились, а дыхание рептилии стало частым. Она отбросила недоеденные ногу и руку, взбодрилась и злобно зашипела.

Кто бы мог подумать, но змея подобрала валяющийся меч и стала сворачиваться в ровную круглую спираль. Посох старика вновь превратился в горящий кнут, нагнетая энергию, которая стала разбегаться небольшими молниями от хлыста по земле.

Резким прыжком рептилия напала на старика, который в последнее мгновение успел увернуться от удара мечом, свистнувшим в миллиметре от уха деда. Пихто ударил в ответ кнутом, но рептилия была уже далеко, и хлыст не дотянулся. Змей широко раскрыл свою огромную зубастую красную пасть с жуткими звуками, выпучил круглые выпирающие глаза и начал метаться по площади, поднимая пыль. Он скользил от одного края к другому, разрушая всё на своём пути, путая старика, разбрасывая телеги, ломая заборы и колодцы. Резко змей сменил траекторию и оказался рядом с Пихто. Монах замахнулся, но, не успев нанести удар, отлетел на пять метров от мощного толчка в грудь огромным хвостом рептилии. Старик влетел прямо в окно хаты и с грохотом кувырком прокатился внутри избы до дальней стены и выкатился на улицу, выломав заднюю дверь.

Рептилия подползла к окну, чтобы посмотреть, где старик. Увидев, что тот валяется в грязи без движения, повернулась к площади. Как мощным ударом биты получила с пыра в морду. Белая вспышка — и сквозь то же окно, ломая стену, змей также прокатился сквозь всю хижину и тоже выкатился в заднюю дверь, укатившись ещё дальше, чем монах, который медленно поднимался на карачках. Алёша Попович самодовольно повернулся к площади от окна, но его в тот же момент сбили с ног несколько татар, выбили битую из руки, которая снова превратилась в трубку. А напавшие стали всеми силами забивать парня ногами.

Вокруг шеи одного из солдат обвязалась полыхающая лямка, и он с хрипением улетел в озеро. С треском ударов космического хлыста все нападающие стали оказываться по разным концам площади. Старик хватал их хлыстом, притягивал к себе и тут же отбивал вырастающим с другой стороны посохом, других просто швырял со всей силы куда подальше, разнося татарами заборы и стены глиняных домов. Первый, второй, третий... пятый, десятый. Грохот ломающихся досок, треск ломающихся костей, истошные вопли монголов и яростный монах, безжалостно уничтожающий орду. Раз — и всё стихло. Два — старик сам полетел, кувыркаясь в пыли через всю площадь. Злобная рептилия в помятой броне, нанеся сокрушительный удар хвостом Пихто, со всей силы сорвалась в сторону играющего в перекати-поле старика. Отшельник влетел в распахнутую калитку, поставил посох поперёк проёма, космическая палка выгнулась будто лук и запустила монаха как стрелу прямо к мчащейся рептилии. Дед Пихто сквозь свою распушившуюся мантию махнул огненным хлыстом — со свистом и щелчком удар пришёлся прямо в разбитую морду ящера. Но неожиданно рептилия пастью вцепилась в кнут и резким рывком запустила старика напрямик в крытую телегу. Пихто влетел с одной стороны, но вот с другой выкатилась корова. Кстати, на морде змея нарисовалось что-то вроде удивления от увиденного фокуса с коровой; к слову, на морде коровы было то же самое.

Но пока рептилия разглядывала растерянную корову, сидящую на пятой точке, вновь сверкнула яркая белая вспышка. Алёша Попович своей неземной битой ударом по голове отправил змея через двойное сальто в самый центр площади. С очищающим металлическим лязгом рептилия воткнулась прямо в колокол, на голове с которым продолжила кувыркаться дальше по пыльной земле, пока не упёрлась в многострадальную хату.

Змей с диким захлёбывающимся рёвом с эхо стал пытаться скинуть с себя колокол, который прочно засел, зацепившись за защитную броню и мощные клыки рептилии. Всего лишь мгновение — и со всего бегу Алёша снова нанёс сокрушительный удар по колоколу, звон которого разбудил и разогнал птиц за километры от селения в лесной чаще. Яркая белая вспышка, вой собаки в дальнем дворе и рухнувшая в нескольких метрах от нашего героя змея с треснувшим колоколом на голове. Грозной поступью подошёл Алёша к змею и смотрел на тушу огромного неземного ящера. Лапы рептилии вновь упёрлись в землю, из-под колокола раздался свирепый рык. Парень медленно шёл по выющему телу змея, встал над самой головой и, размахнувшись светящимся стержнем, нанёс сокрушительный удар образовавшимся горящим белым пламенем молотом. Удар был подобен мощному артиллерийскому взрыву с яркой белой вспышкой, подняв целое облако грязной пыли.

Утренним ветром пыль быстро сдуло, и стало видно, что огромное, бьющееся в конвульсиях тело змея почти наполовину ушло под землю, а колокол буквально рассыпался вдребезги.

Алёша тяжело дышал и в шоке смотрел на уверенно идущего старика с чёрным блестящим посохом прямо к нему, как будто они тут полдеревни и не разнесли.

— Дед Пихто, а возьми меня к себе в ученики?

— Уже взял.

Тишина... Ветер сдул последние остатки тумана в чашу вместе с побежденными захватчиками. Народ начал неуверенно выбираться из укрытий и тихо глазеть на своих защитников, которых Русь так долго ждала. Дед Пихто осмотрелся по сторонам и с ехидной улыбкой достал из мешочка амулет. Алёша же от измотанности буквально рухнул на одно колено. Силы юношу

покидали, а боль увечий после поединка стала накатывать всё сильнее. Лицо парня заплывло синяками и ссадинами, а глаза превратились в узкие щёлки.

Старик аккуратно надел на шею Алёши амулет, который сверкнул яркой белой вспышкой. И — о чудо! — на физиономии парня не осталось и царапины.

— При всём честном народе нарекаю тебя богатырём! — Пихто сам не понял, почему вдруг такой статус, да другого он, собственно, и не знал.

В толпе поползла молва. Люди сначала шептались, пока кто-то не выкрикнул, видимо разъясняя кому-то глуховатому:

— Попович — богатырь теперече...

Дед Пихто вновь осмотрел людей и громко, уверенно, вымеряя каждый слог, каждое слово, торжественно произнёс:

— Теперь ты богатырь земли ростовской — Алёша Попович. Храни амулет сей да оружие своё кладезное, храни верность Руси-матушке, да всей расе людской на помощь встань!

— Я теперь настоящий богатырь? — Алёша встал.

Дед Пихто немного растерялся.

— Ну да...

— Можно я пойду Любаве похвастаюсь?

Монах глубоко вдохнул, исподлобья посмотрел на парня, на его опешивших родителей, словно ждавших разрешения подбежать к сыну. На толпу людей, с трудом сдерживающую единый порыв эйфорического ликования.

— День у тебя на прощание с родными и любимыми, Алёша. Больше ты их не увидишь.

— Почему?

— Много дел теперь у нас. Выбор сделан. Пришло время святого предназначения и пути к великой битве за всё живое в мире человеческом, в котором нет боле места близким. Теперь я — твой наставник и твоя новая семья.

— И Любаву больше не увижу? — никак не утомонивался юный богатырь.

— Да что ж ты... Да. И Любаву. Всё. Ступай, а завтра утром на рассвете с площади и уйдём. Теперь ты, Алёша, — богатырь. Спаситель земли ростовской!

Народ взревел, от рокота едва ли не тряслась земля под ногами. Непередаваемая дрожь и энергия переполнила свежеиспечённого богатыря. Спустя пару мгновений героя уже подбрасывали в воздух. Вообще, это удивительно, как, несмотря ни на что, на любые горести, умеют праздновать. Лилось пиво и вино, рвались меха и струны, а к закату батюшка обвенчал рыжую красавицу Любаву и сына-богатыря, связав их узами брака на земле и на небесах.

Всем миром, что называется, снарядили Алёшу Поповича в путь. Кузнец торжественно выбил его инициалы на кольчуге, привели двух коней борзых и собрали тюки, полные пушнины и провизии.

Счастливым день. Счастливая ночь. Нескончаемый праздник, завершившийся с первым лучом солнца на рассвете.

Сквозь дымку тумана, обтекаемый красно-жёлтым солнечным светом, Дед Пихто вышел на площадь. На белоснежном жеребце в переливающейся блестящей кольчуге, с заполненными провиантом баулами у спаянного колокола его встречал Алёша Попович, который поражал своей героической статностью.

Для монаха тёмный мальчуган из толпы вывел борзого коня, которого покрывала меховая мантия и кожаные сумки с провизией и дарами для долгого пути. Поклонившись люду, Дед Пихто запрыгнул на своего коня, обернулся к Алёше и замер.

— А она что тут делает?

Алёша Попович посмотрел на Любаву, которая так же сидела на коне с уложенной огненно-рыжей косой в платке, бросив скромный взгляд в землю как реакцию на агрессивный выпад старика.

— Жена она мне теперече, Дед Пихто. Стало быть, и судьба у нас общая до кончины нашей.

— Ты сдурел? Я же сказал, что никого больше. Один ты идёшь. Ты зачем свадьбу сыграл, полудурок?

Алёша растерялся. Его глаза забегали по площади, явно не находя и зацепки, чтобы задержаться хоть на секунду, — как и его мысли.

— Так любим мы друг друга, Дедушка Пихто. Вот и поженились. Отец благословение дал. Дед Пихто закрыл лицо руками и, с трудом сдерживая гнев, заговорил:

— Так. Отправляй девку свою в монастырь, пускай остригут. Я поехал. Через пять минут не догонишь — не видать тебе богатырской славы, как затылка.

— Но...

Алёша хотел что-то возразить, но конь Пихто уже застучал копытами по земле, отдаваясь в туман вместе с затихающим ворчанием старика. Богатырь смотрел ему вслед, и когда силуэт монаха на лошади стал растворяться в тумане, тяжело вздохнул, что-то шепнул Любаве на ухо, они обнялись и златовласая девушка покорно соскользнула с коня. Богатырь легко стукнул в запянный колокол своей космической битой и прищипил своего коня, догоняя старика навстречу размазанному по дымке рассвету.

Спустя несколько часов молчания первым заговорил Алёша Попович:

— Дед Пихто, а куда мы путь держим? Долго идти-то?

— Одному Богу известно... Нам ещё нужно найти двух богатырей. С чистой душой да крепкой рукой.

— А с кем биться будем?

— Как тебе сказать... С космическими пришельцами. Эм... Весь мир земной спасать будем. Вот как змей, которого ты одолел, только таких — рать целая и нескончаемая.

Они снова замолчали. Вновь тишину нарушил богатырь:

— А домой почему нельзя? Почему Любаву нельзя взять?

— Потому что неизвестно, сколько времени уйдёт на выполнение миссии нашей. Тысяча лет пройти может. Нельзя, чтобы родные твои видели, как тебя старость не берёт.

— Ты что ж, отец, колдун?

— Сам диву даюсь, Алёша. Но давай так. Сначала всё-таки соберём всю вашу честную компанию богатырскую, а потом я всё вам и разьясню.

— Ладно.

Вновь лишь лязг подков и фыркание лошадей. Вновь Алёша заговорил:

— А сейчас-то куда путь держим?

Дед Пихто глубоко вздохнул и сквозь зубы проскрипел:

— Куда ноги несут, Алёша.

И понемного усакал вперед. Монаху явно больше нравилась компания с собственными мыслями, нежели распросы Алёши, чему второй определённо был только и рад.

Глава 5. Илья Муромец и Соловей-разбойник

Полыхающая золотая русская осень живописно уронила кленовый лист в чистую голубую гладь воды зеркальной лужи, пустив мягкие круги в отражении массивных ворот входа в мощную белокаменную крепость. Раз — и копыто втоптало лист с брызгами в лужу. Два — два странника в тёмно-коричневых мантиях и мехах зашли верхом на лошадях в мощные деревянные ворота в огромной защитной каменной стене из серого камня.

Они двигались по самому центру улицы, их никто не знал, но выглядели странники настолько важно и самоуверенно, что крестьяне на всякий случай снимали шапки и кланялись.

Остановившись возле склонившегося высохшего мужичка с охапкой хвороста за спиной, Пихто скинул капюшон и добродушно произнёс:

— Что за град, милос?

— Муром...

Кони продолжили движение по грязной улице, где суетливо мешались народ, лошади да домашний скот. Недоверчивые взгляды сверкали отовсюду: из толпы и окон. Чужаки были подозрительно богато одеты, но не имели свиты — чёрт знает кто это и как к ним обращаться. Хаты и калитки запирались, едва Пихто или Алёша бросал на них взгляд.

Единственный дом, откуда вышла горбатая старушка с хлебом-солью, был покосившимся и опирался на растущее рядом высыхающее дерево. Домишко был чёрный от ветхости, а окна и двери — практически ромбообразными от скоса. Из трубы парил сизый дымок, а двор зарос бурьяном и завален опавшими листьями. Маленький заборчик сохранил только контуры ограды, он вообще больше напоминал небрежно сколоченные гнилые доски. Да сама старушка в том месте, где когда-то была калитка.

Бабушка в чёрном заношенном тряпье явно отдавала последнее. Сердобольный Алёша Попович прыгнул с коня, взял в руки рушник с хлебом и поклонился старушке в ответ. Глаза женщины были налиты слезами. Они были распухшими от явно долгого плача и страданий.

— Что плачешь, мать?

Её лицо вдруг горестно скривилось, и она вновь разрыдалась, утираясь ветхими тряпками. Народ даже не обращал внимания — видимо, картина была привычной, а вот незнакомцы были куда более интересны для глаз горожан. Дед Пихто не слезал с коня и надменно осматривал всё вокруг, бросая редкие взгляды на старушку в объятиях Алёши. Спустя пару минут рёва бабушка вздохнула произнесла:

— А что ж не плакать-то, барин... Сын мой единственный уже тридцать лет и три года с печи встать не может, так и живёт, лишь в потолок глядит. Ни жизни, ни мира не видит. Страдает, да и я с ним страдаю. И нет нашему горю ни конца, ни края...

— Здесь лежит? — резко оборвал её Пихто.

— Э-э. Да. — растерялась женщина, подняв взгляд на монаха.

— Как звать сына твоего?

— Ильёю.

Дед засунул два пальца в рот, свистнул и крикнул:

— Илья, богатырь, выходи к нам на улицу!

Вдруг несчастное и болезненное лицо старухи сменилось на агрессивное и яростное. Гнев её напухших глаз, расширившиеся ноздри и принял поистине звериный дикий оскал защитницы чада. Она утёрла слёзы и со злостью прокричала:

— Ах ты, паскуда, супостат! Над инвалидом в день рождения смеяться удумал! Да чтоб тебя черти в аду на сковороде жарили!

Она схватилась за стремя и потащила Пихто на себя, пытаясь скинуть старика с коня, выкрикивая проклятия да и просто обидные оскорбления. Хлеб, соль, рушник в мгновение

ока оказались в грязи. Алёша Попович подхватил разъярённую старушку на руки и отнёс в сторону.

— Тише, мать, не шуми. Этот старый монах знает, о чём говорит. Сейчас твой Илья на самом деле ходить будет. Пусти-ка ты нас в хату да чаем напои.

Глаза старушки наполнились слезами и надеждой. Наивный Алёша внушал доверие. Она покорно кивнула, испуганно прикрыла рот рукой и шёпотом пробормотала Поповичу:

— Неужто чудотворец?

Спустя мгновение бабушка семенила рваными лаптями по грязной тропинке к покосившейся лачуге. Богатырь и монах неспешно следовали за ней. Народ быстро просёк, что скоро будет шоу, и люд тихонько начал стягиваться к ограде, но ещё не рискуя её пересечь.

Покосившийся дом свистел сквозняком из щелей, заткнутых ветошью и соломой. Пол скрипел и трещал, но все равно было как-то чисто и аккуратно. Старушка беззвучно проскользнула в единственную комнату и впопыхах начала накрывать на стол всё, что у неё только было, охая и приговаривая о Божьей благодати.

На потрескавшейся печи под толстым одеялом лежал массивный бородатый мужчина. Его взор не отрывался от потолка. Пустой взгляд человека, который потерял малейший интерес к жизни. Наполненный лишь болью и страданием от вселенской несправедливости этого мира.

Дед Пихто и Алёша сняли сапоги и со скрипом каждой дощечки прошли в комнату. Остановились они прямо перед печью, на лежанке которой без движения лежало крепкое тело унылого мужика. Он не моргал, не шевелился, и если бы не дышал — его можно было принять за восковую фигуру или мертвеца.

— Ну, с днём рождения! Будешь богатырём русским? Сможешь землю родную от захватчиков злостных спасти?

Дед Пихто расхохотался, его смех подхватил Алёша Попович. Вдруг Илья на печи тоже рассмеялся. Рокот весёлого смеха продолжался секунд двадцать. Даже бабка захихикала. Засмеялись и зеваки у окон.

Но вдруг Илья перестал хохотать и громко выкрикнул, перебив спонтанное веселье в хате:

— Вы что, оба с дуба рухнули? Я даже головой шевелить не могу с рождения, не говоря о том, чтобы руку поднять...

Дед Пихто не унимался.

— Ну, наверное, накопилось энергии-то, силушки богатырской?

— Те чё надо, старый? — тон Ильи стал откровенно раздражённым, взор снова упёрся в тухлявый закоптелый потолок, а из уголка глаза скатилась слеза.

— Ты мне нужен.

— Так забирай. Сил моих больше нет матери муки доставлять. Увезите и прибейте, как собаку.

— Нет, такой ты мне не нужен. Ты мне энергичный нужен, сильный, волевой.

— Слышь, монах, пошёл к чёрту. — Илья грубо прошипел фразу, злобно оскалился и зажмурил глаза.

Дед Пихто подошёл к окну, посмотрел на толпу зевак. Подмигнул растерянной старушке, повернулся к Илье и серьёзным тоном произнёс:

— Коли ходить научу, пойдёшь со мной?

— Да хоть на край света.

Ответ Ильи был совершенно лишён интонации. Но на лице было столько горечи, сколько нет в чёрном тмине.

Молчаливая сцена поглотила в себя весь дом и всех тех, кто грязными лбами прильнул к мутным окнам. Старушка тихонько присела в углу и, хлопая морщинистыми глазами, смотрела на монаха, который не спеша достал из какого-то невиданного кошелька блестящую голубыми

зайчиками безделушку, словно кусок дешёвой стекляшки, на которую попал прямой солнечный луч.

Пихто приспустил одеяло с шеи Ильи и положил амулет на его голый неподвижный торс. Комнату залил мощный и яркий синий цвет, озарив сквозь окна и зевак на сотни метров всё вокруг.

Немного проморгавшись после ослепительной вспышки, монах приподнял голову Ильи и надел амулет на его шею.

После аккуратно положил его заросшую голову на сальную подушку. Старик развернулся и отправился по скрипучему полу к накрытому небогатому столу. Алёша двинулся следом. Хлопчущая старуха крутилась вокруг них, охая и ахая, то и дело бросая взгляд на сына, который так и не шевелился. Её глаза вновь налились слезами, но она продолжила наливать чай из старого самовара гостям. Вновь и вновь поглядывая на сына, который не шевелил и пальцем. Её нижняя челюсть затряслась, и она тяжело села на лавку. Глаза старушки жалобно бегали по лицам самоуверенного Пихто и растерянного Алёши. Но они молчали. Алёша сам постоянно бросал взгляд то на лежанку, то на своё отражение в самоваре, а вот Пихто похлёбывал чай из помятой железной кружки и с интересом разглядывал чёрствы калачи на столе. Время шло. Монах принялся есть, выбирая самое лучшее и свежее с бедного стола женщины, которая уже потупила взор в пол и больно роняла слезу за слезой на колени. Она начала аккуратно собирать посуду, намекая гостям, что им пора бы и идти. Но вдруг Пихто, так и не оборачиваясь к парализованному, ехидно произнёс:

— Ну, долго тебя ждать? Нам ехать пора.

Гнев Ильи налился в его лоб, словно раскалённое олово, а крик скорее напомнил рёв медведя, а не человеческую речь. Он повернул голову, вытянул руку и ткнул указательным пальцем в старика.

— Хватит меня бесить!

Удивлённое лицо Ильи ошарашенно скривилось. Он не верил глазам. Не верил рукам, которыми трогал одной другую, печь, себя. Его дыхание сбилось, а сальные волосы не успевали за мотающейся из стороны в сторону головой.

Деда Пихто же больше привлекало наблюдать за Поповичем, который бездумно корчил рожи своему же отражению в самоваре. Но старик всё-таки повернулся к Илье.

— Подходи, Илья, чайку попей на дорожку, посиди с матерью. Путь у нас очень долгий намечается.

Илья с опаской и неуверенно спустился с печи, откровенно удивляясь вертикальному положению тела. В тот же миг старуха уронила всю посуду, что была у неё в руках, и кинулась к ногам Деда Пихто.

— Дай Бог тебе здоровья! Спасибо тебе!

— Так-так-так... Алёша, убери её, успокой.

Попович тут же подскочил, поднял старушку с пола и усадил на лавку. Её счастливый плач и доброжелания выплёскивались в грудь Алёше, который по-родственному приобнял её седую голову.

— Мать, не благодари. Это выбор Ильи твоего самого.

Илья неуверенно прошёл к столу, сел на скрипучий стул, откровенно в шоке глядя на непринуждённо отхлёбывающего чай монаха. Словно очнувшись, он заметил суету за мутными окнами, которые облепили дети и зеваки. Дед Пихто встал с каким-то торжественно-важным видом, достал из своего мешка одну из космических трубок и протянул её Илье.

— Нарекаю тебя богатырём земли Русской. Зваться теперь ты будешь Ильёю Муромским. Ждёт тебя твой подвиг героический, а сие оружие тебе посмертно прилагается.

В хате и за её пределами воцарилась абсолютная тишина, впрочем, быстро нарушенная гулким грохотом. Это старушка упала в обморок. Эпический момент был безнадежно испорчен. Алёша как мог быстро уложил её на кровать и дал кружку воды.

Монах вновь протянул артефакт Илье, который слился взглядами с абсолютно счастливой старушкой и уверенно взял трубку в руку, — как вдруг, словно струей воды, льющейся вертикально вверх, вырос огромный, блестящий ярко-синим свечением меч.

— Есть у тебя день один на то, чтобы с родными и близкими проститься. Завтра на рассвете мы уходим. Больше ты из них никого не увидишь.

Илья Муромский опешил. Он буквально завис, не отрывая взгляда от своего меча. Его мать попыталась подняться с кровати, но Алёша Попович и Дед Пихто заботливо уложили старушку обратно. Не спеша вышли из дома, сели на коней и ускакали из города.

Илья Муромец словно переварил новую реальность, в которой он ходит, наделён какой-то силой и оружием божественным, — и даже не присел ни на секунду. Меч спрятался обратно в круглую рукоять. Зеваки разбежались по всему Мурому, чтобы как можно скорее растрепать такую новость: инвалида исцелили, ещё и богатырём сделали. Но Илья заботливо собрал у кровати с матерью калачи и горячий чай, поцеловал спящую старушку в лоб и вышел на улицу. Его яркий меч вновь налился из рукояти. Илья, сурово держа своё массивное космическое и нереально блестящее оружие в руке, как факел, подошёл к мальчишке в одежде, больше похожей на простой дырявый мешок.

— Где Соловья-разбойника искать?

Пацан ошарашенно ткнул пальцем в сторону центральных ворот. Ещё бы — перед ним стоял заросший полуголый мужик с каким-то невиданным факелом посреди улицы. Илью же это явно несколько не беспокоило. Уверенно двигаясь из города, он шёл прямо перед расступавшимся людом. Лишь один горбатый мужичок с хворостом на спине, шедший навстречу новоиспечённому богатырю, распрямился от удивления. А его ноша высыпалась на грязную землю.

— Илья? Встал? Как?

— Да, дед Матвей... И встал, и богатырём стал. Ты меня к Соловью-разбойнику отведи, который давеча обоз ограбил. Ибо там матушка моя ехала. А этот негодяй единственную память о батюшке моём украл — кольцо её обручальное.

Старик уронил взгляд на оголённый пах Ильи и неуверенно произнёс:

— Ты бы срам хоть спрятал...

— Времени мало у меня, некогда портки искать. А справедливость, она и без трусов существовать может.

Договаривал эти слова Илья уже двинувшись дальше, не став дожидаться дальнейшего диалога об этикете с соседом. Лишь удивлённый взгляд ошарашенного старика и сотни других муромчан в тихом перешёптывании провожали бесштанного богатыря на верную гибель.

Пейзажи сырого серо-коричневого города за стенами заиграли полыхающими осенними красками. Мир вне стен гнилой хаты оказался удивительно прекрасным. Воздух без запаха навоза, зелёно-оранжевая листва на деревьях, жёлтый песок на проезженной дороге с лёгкой дымкой за обозами и безграничные поля золотистой ржи, колышущейся волнами от ветра. Широкая дорога вела прямо к сияющей серебряными бликами Оке, у которой толпился народ и повозки, ожидающие очереди на огромный деревянный плот для переправы.

Голова богатыря шла кругом от буйства красок и мира, которого он не видел, который ему выпала честь защитить. Великая Русь брала гордостью прекрасных пейзажей родины. От высоких мыслей Илью оторвал проезжающий мужичок на обозе.

— Сынок, садись, подвезу!

— Спасибо, отец. Тридцать лет я отлёживался, пройтись хочу.

— А куда путь держишь?

— На дорогу на Москву, с Соловьём-разбойником сразиться хочу.

— Эво как... Ну, удачи тебе, сынок, верным путём ты идёшь, да меч у тебя кладенец, вижу... Дай Бог тебе удачи в бою... А Соловей через две версты, на переправе обосновался, немного идти осталось совсем. Дело правое твоё, и значит, Бог с тобой. Да вот только колдун тот разбойник. Дьявольское отродье ему прислуживает, а свист его сметает в прах всё на своём пути — я своими глазами видал. Не одного доброго молодца загубил.

— Чему быть, тому не миновать, батюшка.

— Господь в помощь, сынок... Господь в помощь...

Обоз свернул в чащу и пропал за пышными кленовыми кронами. Илья поднялся на небольшой пригорок, с которого открылся вид на широкую реку. По руслу, плавно разрезая отражения облаков, двигались ладьи под белыми парусами и десятками вёсел, которые тянули за собой толстые канаты на другой берег. Огромные плоты с обозами, скотом и людьми на борту ждали очереди на переправу через Оку.

Вблизи царил хаос и суeta. Были слышны удары плетей и человеческие крики. В воздухе стоял настоящий смрад. Девушек выдирали из рук мужчин и утаскивали напрямик к худощавому мужику. Он сидел на некоем подобии деревянного трона, устланного несколькими слоями разных меховых шкур. Жидкая бородёнка и заветренная кожа на лице с узкими впалыми бегающими глазами почему-то внушали страх перед этим человеком. От него веяло безжалостностью и кровожадностью. Меха, в которые он был одет, огромное количество колец на всех пальцах и резной кинжал, которым он медленно отрезал дольки красного яблока и с хрустом клал их себе в рот с коричневыми зубами. Этим же кинжалом он указывал на вещи, скот, людей — которых оставить себе, а которых пропустить. Он попросту грабил. Весь его вид показывал долгий путь разбойничьей жизни и апогей власти, которой он сам себя наделил и которой упивался. Никто не спорил, все страдали и покорно отдавали всё, что он хотел.

Банда из дюжины человек профессионально шныряла среди обозов. Приценивались к каждому, и никто не решался сделать и шага без разрешения, пока рядом эти головорезы.

Илья резко выделялся из толпы, светя причиндалами и говорящим ненавидящим взглядом, направленным прямо на главаря. Такого, разумеется, разбойник пропустить не мог. Он поднялся со своего трона, поправил сальные и чёрные как смола волосы над лбом в шрамах и, сильно топая, пошёл по деревянному помосту напрямик к Илье. За спиной бандита было что-то похожее на гранатомёт в таких же узорах, как и космическая трубка в руке Ильи. Бластер периодически пищал, выпуская, словно дымкой, разноцветное свечение. Соловей-разбойник шёл как хозяин мира, пока не упёрся в Илью Муромца. Тот ненавидящими глазами прожигал бандита, всем видом демонстрируя свою неприязнь и желание схватки.

Разбойник сначала посмотрел в пах богатыря, после поднял голову.

— Дар принёс или за смертью явился?

— Так бежал сюда, смотрю, что штаны потерял! — прозвучал голос из банды, а следом и грохочущий смех головорезов.

— Я, может, и штаны, а ты сейчас голову потеряешь.

Не прошло и секунды, как народ расступился метров на десять и продолжил расползаться дальше. Все знали, что сейчас произойдёт страшная показательная казнь. Соловей-разбойник же просто развернулся и направился обратно в сторону своего трона:

— Убить...

Илья вдруг словно утонул в толпе бандитов, которые, обнажив мечи и сабли, с дикой яростью накинулись на него. От неожиданности богатырь просто прикрылся своей космической палкой, которая превратилась в огромный прямоугольный щит, полыхающий ярко-синим светом, и мечи, которыми били разбойники, отлетали, как резиновые, на десятки метров в разные стороны. Как только оружие закончилось, бандиты встали в ступоре — тут пришла очередь Ильи. С гневным криком он бросился к ним, а они, как водится, врассыпную.

Илья не обращал на банду никакого внимания — ему нужен был лишь их главарь, Соловей-разбойник.

— Стой, супостат! Я по твою душу пришёл!

Щит вновь превратился в полыхающий меч, который, словно раскалённый нож масло, резал всё, что ему пытались противопоставить разбойники. Потасовка превратилась в настоящую кучу-малу: его били вёслами и длинными досками, швыряли какие-то молотки, камни, вёдра — лишь бы сбить с ног и не подпустить на расстояние удара. Оружие Ильи постоянно превращалось то в меч, то в щит, не оставляя нападающим никаких шансов. И вот он вновь в толпе атакующих — взмах, толчок, сумбурные удары и пыль. Вдруг перед лицом Ильи оказалось скорченное от жуткой боли лицо бандита. Пламенный синим светом меч пробил его грудь насквозь, и он рухнул на помост, словно мешок с навозом. Илья опешил и прошептал:

— Убил...

А разбойники стали нападать с двойной яростью. Их набежало уже с полсотни, и действия начали принимать структурированность. Илья всё чаще оказывался на земле, а подниматься становилось всё сложнее. В клубах жёлтой пыли то и дело вспыхивали синие яркие лучи, а разбойники падали бездыханными телами.

Толпа народа стояла и молча, как стадо, наблюдала за происходящим. Ни одна душа не попыталась помочь богатырю с голой задницей, бросившему вызов злу, которое сломало судьбу каждой семьи Муромца. В этой же толпе, на плоту, на своих лошадях были и Алёша Попович с Дедом Пихто, которые грызли морковки и увлечённо наблюдали за происходящим.

— Помочь ему надо, — всё-таки с надеждой обратился Алёша к своему наставнику.

— Рано. Пускай бьётся, это его бой...

Бой же Ильи Муромца всё больше напоминал избиение. Вот богатыря допинали уже до самой воды, а сам Соловей-разбойник высокомерно наблюдал за расправой, стоя на деревянном помосте, окружённый своими людьми. И вот Илью просто забили. Он спрятался за щитом, по колено в воде. Лишь после того как вновь отлетело около десяти мечей, Соловей-разбойник крикнул:

— Ша! В стороны!

В тот же миг бандиты кинулись врассыпную, заметалась и зашевелилась вся толпа. Лишь Дед Пихто и Алёша Попович на своих лошадях оставались на месте и смиренно следили за происходящим. Соловей-разбойник показательно водрузил бластер на перила, направил его в сторону Ильи Муромца.

— Красиво умрёшь, голожопый! А вы все смотрите! Видать, забыли, какую силу я имею!

Долгой речи разбойник толкать не стал. Тут же нажал на курок. Бластер издал жуткий мощный свист, генерирующий какую-то энергию, и выстрелил сгустком яркой зеленоватой плазмы, который с гулом артиллерийского снаряда полетел в сторону Ильи Муромца и тут же взорвался в паре десятков метров от него. Богатыря откинуло взрывной волной на плот, и он упал, сломав пару брёвен под собой, прямо перед Дедом Пихто и Алёшей Поповичем.

На удивление Соловья-разбойника, Илья Муромец чудом поднялся и даже поправил на себе изодранную рубаху, это вместо того чтобы разлететься на части после взрыва и полёта с жёсткой посадкой. Свист бластера раздался вновь, и разбойник начал целиться поточнее. Дед Пихто выбросил недоеденную морковку.

— Наш выход, Алёша.

Они ударили шпорами по коням и поскакали по плоту, перепрыгивая через разбегающихся людей и падающую в воду скотину. Выскочили на песчаный берег и во весь опор рванули к помосту с бандитами. Соловей-разбойник развернул бластер и выстрелил в них. Снаряд пролетел прямо между Пихто и Алёшей и разорвался позади. Взрывом лошадей сбilo с ног, наши герои спрыгнули с коней, кувырнулись и продолжили бежать напрямик к разбойнику, который орал не своим голосом:

— На ремни этих собак порезать!

Пушка вновь засвистела, зловеще набирая мощность, а бандиты всем скопом бросились навстречу старому монаху и богатырю. Стычка произошла прямо перед помостом. В толпе в

неразберихе ударов и тел мелькнула огненная плеть Пихто, а разбойники начали разлетаться во все стороны — старик явно не терял времени даром и уже лихо справлялся со своим кнутом. Следом в схватку ворвался Алёша Попович. С сияющей дубиной он запрыгнул в самую гущу боя, пытаясь тараном пробиться к Соловью-разбойнику. Яркие золотые и белые вспышки мелькали безостановочно, от них бандиты разлетались на десятки метров. Третьим в толпу ворвался Илья Муромец, который светящимся синим щитом выбивал сразу по три человека и без разбору кромсал мечом тех, кто нападал сзади. Свист прекратился. Соловей-разбойник снова выстрелил, и на этот раз сгусток плазмы направился прямо к Деду Пихто. Старик уже приготовился ударом посоха встретить летящий снаряд, но вдруг увидел голый зад Ильи, который в героическом прыжке принял удар на себя. Мощный взрыв с ярко-синей вспышкой откинул от щита в землю, и монаха с богатырём откинуло метров на пятьдесят. К слову, не только их откинуло, а всех, кто был в радиусе этих пятидесяти метров. Алёша Попович же в результате этого взрыва шарахнулся на помост, оказавшись в куче наваленных контуженных бандитов. У Алёши тоже звенело в ушах и двоилось в глазах, но каждый шаг давался всё проще. Спустя немного времени вновь засверкала белоснежными вспышками его космическая дубина, а разбойники полетели во все стороны. Звон в ушах Поповича вновь сменился свистом бластера Соловья-разбойника. Алёша яростно разбил всех соперников, которые разделяли его с их главарём, но на последних шагах его вновь сбили с ног. Богатырь сбросил нападающего с себя, поднялся и увидел сгусток зелёной плазмы, который уже формировался перед бластером, свистящим на максимальных оборотах. Оставался десяток метров — не успеть. И лишь Алёша услышал, как сквозь свист пушки прошипел Соловей-разбойник:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.